ИШАЕВ Ш.М.

Мекка - священный город мусульман

Рассказ паломника

В 1892 году в Саудовской Аравии в г. Джидде (порт Мекки) организуется российское консульство. Первым консулом назначается Ш. Ибрагимов. Однако период его консульства оказался коротким. Во время совершения хаджа (паломничества) Ибрагимов трагически погиб под Меккой. (Есть предположение, что он как русский чиновник был заподозрен в неверности (кяферлек) и пал от рук исламских фанатиков. Чтобы не обострять взаимоотношения между странами, официально было объявлено, что он умер от холеры, свирепствовавшей в тот год). Последняя версия звучит и в "Рассказе паломника" Ш. Ишаева, который, правда, глухо намекает на то, что это едва ли является истиной.

Шагимардан Мирасович Ибрагимов родился в 1841 году под Оренбургом. Окончил Омскую военную школу. Участвовал в завоевательных войнах России в Средней Азии. Как офицер, владеющий персидским, узбекским, казахским языками, был оставлен на службе в штабе туркестанского генерал-губернатора, где добился высоких чинов. В 1870 году начало выходить на местных тюркских (узбекский, казахский) языках еженедельное приложение к газете "Туркестанский вестник". Редактирование этого сборника было поручено Шагимардану Ибрагимову. Здесь были опубликованы его переводы произведений Л.Н.Толстого и других русских писателей, перевод сказок из "Тысячи и одной ночи". В 1871 году Ибрагимов составил и выпустил "Календарь 1872 года", в котором поместил свои утопические рассказы об освоении среднеазиатских пустынь.

Шакирзян Ишаев - друг Шагимардана Ибрагимова. В книге "Туркестанский литературный сборник" были напечатаны его воспоминания о генерал-губернаторе Кайфмане. Там он пишет о своем сиротстве, учебе в Ташкентской "туземной русской школе". Видимо, Ишаев окончил и медресе, так как был татарским муллой в Ташкенте. Известен как составитель русско-узбекско-казахского словаря, изданного в 1879 году.

В 1895 году Ишаев был послан на работу в консульство России в Джидде. Здесь он написал статью "Мекка - священный город" (журнал "Среднеазиатский вестник", 1896, №№ 11, 12), которая и предлагается в сокращении вниманию читателя.

Краткость сведений о Ш. Ишаеве и Ш. Ибрагимове отражает степень изученности их биографий современными исследователями. Она же одновременно указывает на то, что внимание к жизни и деятельности этих выходцев из дореволюционной татарской диаспоры должно быть усилено. Ими оставлены полноценные строки на страницах истории отечественной культуры, общественной мысли, политики.

Текст воспроизведен по изданию: Ишаев Ш. Такой далекий Ближний Восток // Эхо веков. № 1/2, 1996.

Глава 1. *Город Джедда* (Современное написание – Джидда**)**

В 1895 году я служил в г.Джедде, лежащем на берегу Красного моря, в области Аравии - Геджасе, или Хиджазе, как выговаривают это слово арабы. Джедда - довольно значительный город, главный торговый пункт Геджаса; на его рейде часто останавливаются пароходы и суда, ведущие сношения Европы с восточною Африкою, южною Персиею, Индиею и дальним Востоком. Через Джедду двигается также масса мусульманских паломников в Мекку, приезжающих из разных стран на судах и пароходах. Здесь они высаживаются и совершают сухопутную поездку в Мекку, до которой от Джедды не более семидесяти верст. Для охраны интересов паломников в Джедде находятся консульства от европейских государств, имеющих подданных мусульман; в числе консульств имеется и русское, в котором я и служил.

Город Джедда расположен на пустынном берегу моря, как в нем, так равно и в окрестностях почти вовсе нет растительности, исключая нескольких финиковых пальм. Джеддинский рейд не отличается благоустройством. Вода для питья и других потребностей проведена в город подземными трубами из близлежащих горных ключей. Водопроводы выстроил бывший меккинский губернатор Усман-паша.

В городе много богатых купцов как из местных арабов, так равно и из иностранцев, которые ведут крупную торговлю хлебом и другими необходимыми вещами. [...] Вообще Джедда - модный и бойкий торговый и промышленный город.

Базар помещается посредине города. Торговцы преимущественно местные арабы, а из иностранцев много индийцев и персиан, есть и наши среднеазиатцы, их до 40 человек, и все они занимаются мелочной торговлей в лавках, а также на улицах с ларей и лотков. [...]

В административном и военном отношениях Джедда управляется помощником меккинского губернатора - каим-макамом. В городе расположен турецкий гарнизон в 500 чел. и несколько пушек. Для помещения солдат имеются две казармы, одна находится на берегу моря, близ места, где высаживаются с кораблей паломники, а другая - у могилы Евы.

Особых достопримечательностей в городе нет, исключая могилу Евы, которая находится за городом, посреди большого кладбища. Могила праматери всех людей имеет в длину до 60 аршин; в головах поставлено что-то вроде мраморной плиты с арабскими надписями и растет финиковая пальма; в ногах растут какие-то кустарники. Над срединой могилы построены два помещения под одною крышею; одно из них считается мечетью, а в другом имеется гробница, к которой приходят паломники и прикладываются. У входа, снаружи, находится выдолбленный в большом камне резервуар, напоминающий собой колоду, из которой поят лошадей; в него наливают воду и его считают Зем-Земом Евы. Здесь живет много шейхов, а еще больше нищих женщин и детей; они собирают подаяния у являющихся на поклонение паломников.

Как сказано выше, могилу Евы окружает кладбище, на котором, между прочим, похоронен первый русский консул в Джедде действительный статский советник Шагимардан Мирясович Ибрагимов, умерший от холеры в первый же год своего назначения (в 1892 г.). На его могиле поставлен камень с надписью на русском и арабском языках его преемником консулом г-м Левицким.

Так как покойный Ибрагимов был еще известен в Туркестане и вообще в Средней Азии, где он долго служил, то считаю не лишними собранные мною от некоторых лиц сведения о его смерти, тем более, это характеризует вообще положение паломников во время эпидемий в отношении беспомощности по неустройству пути сообщения между Джеддой и Меккою и по недостаточной заботливости о них местных арабов и турецкого правительства.

Живя вблизи Мекки, Ибрагимов как мусульманин в первый же год обязан был совершить в нее хадж, т.е. религиозное путешествие для поклонения мусульманским святыням. К его несчастию, в том году была сильная холера, и она особенно разыгралась в Мекке в “день Арафата” - в тот день, когда по порядку выполнения обязанностей хаджа паломники ходят в долину Арафата, находящуюся в 20 верстах от Мекки. Несчастный Ибрагимов сильно перепугался и прямо с Арафата отправился безостановочно в Мекку. Здесь заболела его жена или от холеры, или же от переутомления во время быстрого движения с Арафата. Оставив жену в Мекке, Ибрагимов с двумя джигитами (слугами) и с одним из туркестанцев выехал в Джедду; с ним поехал также еще какой-то врач египетской службы. При выезде все были здоровы и ехали верхом вместе с караваном; в первой же кофейне остановились отдохнуть: пили кофе, чай, **[119]** закусывали. Двинувшись далее, не проехали они и несколько сот сажен, как Ибрагимов вдруг заболел расстройством желудка, с ним сделался сильный кровавый понос. Слуги сняли его с седла и положили на землю, врач начал его растирать и предложил принять какое-то лекарство, но больной решительно отказался.

Чувствуя крайнюю слабость, больной приказал положить себя в тахтараван, особое сидение, устраиваемое из двух брусков, которые укладываются на двух мулов или верблюдов, пространство между брусками переплетается веревками наподобие того, как это делается в сартовских кроватях; в тахтараване можно сидеть и лежать во время движения, пользуясь известными удобствами. Больного уложили и поехали дальше. Спустя несколько времени врач приказал одному из слуг осмотреть больного и ощупать его тело. Слуга сказал, что тело больного уже похолодело. Врач ускакал вперед, сказав, что будет ожидать в следующей кофейне, но его больше и не видели; он уехал в Джедду, бросив умирающего на произвол судьбы. Ибрагимов скончался, не доезжая станции Хадда. Тело его было доставлено в Джедду, где и похоронили его близ могилы Евы.

О причине смерти Ибрагимова ходит и другой слух, но я его рассказывать не буду, не имея в руках каких-либо доказательств.

Покойный Ибрагимов, будучи консулом, как рассказывают, относился к своим обязанностям ревностно и вел дело энергично. [...]

Наше консульство в Джедде - учреждение еще очень молодое и очень слабо гарантированное, что видно, например из нападения арабов на консулов христианских держав в Джедде в 1895 году. Европейскому консулу здесь нужно быть чрезвычайно осторожным...

Нравы жителей Джедда не отличаются особою чистотою, что нужно приписать существованию невольничества и торговому характеру города, полному иностранцев, собирающихся сюда почти со всех концов света. Здесь, как впрочем и во всем Геджасе, в обычае содомитство (Содомитство (содомия) - скотоложество. - Прим.ред.), называемое в Средней Азии бачебазством, и неизвестно, кто у кого заимствовал этот позорный грех, за который у европейцев полагается уголовные наказания - туркестанцы ли у арабов, или же арабы у туркестанцев... Под городом есть также разные притоны, находящиеся без всякого наблюдения со стороны местного начальства в медицинском и санитарном отношениях.

Глава 2. *От Джедды до станции Хадда.*

Близость моего жительства к священному городу мусульман обязывала меня, как мусульманина, совершить в Мекку установленный хадж для поклонения меккским святыням и особенно Каабе, как главному религиозному святилищу мусульман. [...]

Около четырех часов пополудни 30 апреля наш караван поджидал нас за Меккинскими воротами Джедды, у последней кофейни, находящейся в недалеком расстоянии от ворот. Я отправился с семьею. До кофейни нас проводили: управляющий Российским Императорским консульством в г.Джедде, добрейший Г.В.Брант и секретарь Ф.Ф.Никитнинов, а также многие туркестанцы, проживающие в городе. У каравана мне представились верблюдовожатый и старший конвойный турецкий солдат. Верблюдовожатый был черный, худощавый араб, загоревший и весь в поту от суеты и хлопот сборов в дорогу. Он был в синей короткой рубахе с открытою грудью, на голове белый платок, подвязанный мишурным шнурком; на поясе кривая шашка в ножнах с медною узорчатою оправою. Подойдя ко мне, он бесцеремонно поздоровался со мною за руку и, обнажив в простодушной улыбке свои белые зубы и указывая на себя, дал слово довести нас благополучно до Мекки, так как поставил для каравана самых лучших и смирных верблюдов (фиамань). Я со своей стороны обещал дать ему хороший бахшиш - денежный подарок, то, что у нас называется “на водку” или “на чаек”. В Аравии все основано на бахшише. Старший конвойный солдат был с ружьем на плече, в старом мундире с медными пуговицами в два ряда, украшенными изображением луны, и в старых стоптанных сапогах, на поясе у него был патронташ с боевыми патронами. Подойдя к нам, он заявил, что конвой под его командою назначен каим-маканом, помощником меккского губернатора, специально для нас и будет сопровождать нас до Мекки.

Так как караван еще не был готов к отъезду, то мы направились к кофейне. Мы все были одеты в белые, летние европейские костюмы: г.Брандт был в белой русской фуражке, г.Ушкитников в соломенной шляпе, я же в турецкой феске. [...]

Скучные сборы каравана, сопровождаемые шумом и криками людей, ревом верблюдов и песнями египетских и индийских женщин, направляющихся тоже в Мекку, продолжались около часа. Все окружающее казалось мне крайне диким, непривычным.., я все чего-то опасался, беспокоился.., невольно щемило сердце.., мне было тяжело и не хотелось расставаться с земляками. [...] **[120]** Наконец, распростившись с друзьями и знакомыми, я направился к каравану и сел на своего верблюда при помощи маленькой деревянной лесенки, приставленной к шее животного и поддерживаемой арабом-верблюдовожатым. Мне еще не приходилось ездить на верблюде, но несмотря на мое нежелание испытать это удовольствие, я принужден был подчиняться “местным условиям”, так как по этому пути другого способа передвижения не существует, исключая верховых мулов и ослов, что, впрочем, одно другого стоит... Весь караван состоял более нежели из сотни верблюдов.., двинувшись вперед, он разорвал все нити, связывавшие меня с родными земляками, и мы, в обществе других паломников, качаясь из стороны в сторону на неуклюжих “кораблях пустыни”, отправились по направлению к Мекке по слегка песчаной дороге.

После двухчасового движения наш караван остановился у кофейни Расульгаем для отдыха верблюдов и поправки вьюков. От Джедды до этой кофейни приблизительно 8 верст, что отчетливо указывает на быстроту нашего движения. Здесь к каравану пристроился военный конвой из 25 человек, посаженных на мулов. После небольшого отдыха караван двинулся далее, достиг следующей кофейни Рагама и через полчаса хода от нее вступил в горы. [...]

По дороге в пяти или шести пунктах стоят пикетами военные караулы, они сопровождают караваны паломников от одного пикета до другого, и по пути, во время движения, растянувшись по длине каравана, перекликаются между собою трубными звуками, давая знать о благополучном его следовании, а при приближении его к следующему пикету, вызывают конвойных себе на смену. Таким порядком мы ехали всю ночь, останавливаясь у встречающихся кофеен на весьма короткое время. С нами двигалась масса наших паломников, мужчин и женщин, а также разных торговцев, которые несли на спинах и головах мешки и корзины с разными продуктами для продажи в Мекке, у некоторых были и плоды: лимоны, апельсины и проч. [...]

Мы двигались во главе каравана под охраною всадников на мулах нашего специального конвоя; они ехали по сторонам наших верблюдов, время от времени понукая верблюдовожатого криками “чабук, чабук”, что значит “скорее, скорее”. Конвойные сменялись на каждом пикете, причем старший сдавал нас следующему пикету счетом, как людей, так и верблюдов. [...]

Всех кофеен между Джеддою и Меккою одиннадцать, а именно: Расульгаем, Рагама, Джераде, Кахватул-обад, Багра, Хадца, Шамасы, Кахватул-бугас, Кельва, Салим и Бустан. За исключением Хадды, все они одного типа. Это полукруглые загородки, сплетенные из хвороста, некоторые в передней части имеют нечто вроде навеса, высотою в рост человека. У каждой кофейни сделаны из грубых, неотесанных кусков камней невысокие сиденья, крайне безобразного вида; на земле кое-где разбросаны старые, истасканные, грязные плетенки. Только в Джедде имеется обширный, весьма безобразного вида досчатый барак, а в нем кое-как сколоченные деревянные скамейки. [...]

Между Джеддою и Меккою постоянно двигаются многие десятки тысяч народа, в числе коего масса богатых людей, между тем для отдохновления путников не только не устроено каких-либо сносных помещений в роде персидских и туркестанских караван-сараев, европейских гостиниц и пр., не говоря уже о почтовом сообщении или железной дороге для продвижения, но паломники двигаются даже под охраной военного конвоя... [...] Изобретательность арабов проявилась в устройстве сидения на верблюдах, некоторые для них, должно быть, весьма удобны... Сидение состоит из двух ветвей рамок, приблизительно до 2,5 аршин длины и более аршина ширины; к одной стороне рамки прикреплены деревянные ножки, а к другой подпорки. Обе рамки сверху связываются, а ножками и подпорками упираются в бока верблюда и крепко привязываются. На верху получается плоская платформа, на которой можно сидеть или лежать. Для защиты от солнечных лучей из ветвей и прутьев устраивается нечто в роде полукруглой кибитки, закрываемой полотном или другим каким-либо материалом. Во время движения в этом странном верблюжьем экипаже качает до невозможности; при каждом шаге животного, седока отбрасывает то назад, то вперед, точно во время сильной морской качки... На пути до Мекки с моею женою четыре раза делалась морская болезнь, она выбилась из сил и в конце концов заболела, а четырехлетний сын совершенно не мог вынести неудобств арабского экипажа, и его несли на руках наши слуги во все время переезда. Убийственно медленная и страшно утомительная такая езда! Ее может переносить только ко всему привыкшая, дикая восточная натура...

Глава 3. *Станция Хадда и прибытие в г.Мекку.*

Утром первого мая, к семи часам караван подошел к станции Хадде, где и остановился для отдыха на целый день. Здесь встретил нас главный меккский далил Мухаммад-Али-911Сруфии со своими учениками. Замечу здесь, что далилами называются руководители паломников во время совершения ими хаджа [...] **[121]**

Станция Хадда находится на середине дороги между Джеддою и Меккою. Она состоит из нескольких обширных помещений [...], в них обыкновенно останавливаются паломники, укрываясь от палящих лучей солнца. [...] Так как в Хадде проезжающим приходится стоять целый день, летом на страшной жаре, то за занятие этого помещения денег обыкновенно не жалеют, спасая свою жизнь и здоровье. Жара в этой голой, безводной пустыне бывает поистине ужасная, грозя

непривычному человеку солнечным ударом и вообще расстройством и расслаблением организма. [...]

В Хадде имеется мечеть, называемая мечетью “Наби”, т.е. пророка. По преданию, Мухаммад был здесь и отсюда отправился в Медину. Мечеть представляет собою довольно большое каменное здание с небольшим двориком, но находится в большом запустении; по-видимому, в этой мечети некому молиться. [...]

Хадда расположена в обширной горной долине, по которой в окрестностях станции виднеются жалкие шалаши арабов. Невдалеке от станции находится большая финиковая роща, а позади ее протекает маленькая речка, берущая начало из горных ключей, она имеет всего до трех аршин ширины и до полуаршина глубины, ее водою орошается станция, клеверное поле, очень жалкого вида бахчи и хлопковые плантации. Это одна из немногих речек в Геджасе. [...]

В Хадде паломники вступают в собственно священную область Мекки, запрещенную для входа всем иноверцам. Границы священной области Мекки, в которую еще во времена Мухаммада был воспрещен доступ иноверцам, были определены, очевидно, в первые века мусульманства. Так, для приближающихся со стороны Медины границею Меккской области служило место Дзул Хуляйфа, для жителей Персии и др. восточных стран - Дзатул гырки; для сирийцев - Джухфя; для неджедцев - гора Каран и для йеменцев - Яламла. Все эти местности находились в весьма недалеком расстоянии от Мекки, из чего видно, что ее священная область невелика. Распадение мусульманских государств давно уже сильно изменило направление путей в Мекку, из коих главнейшее значение получил путь через Джедду и Хадду, благодаря прорытию Суэцкого перешейка и пароходным сношениям европейцев с Индией и южной Персией. Нужно заметить, что Хадда упоминается в числе пограничных пунктов области Мекки, перечисленных выше. [...]

Здесь я должен был надеть на себя ихрам (саван), который состоит из двух кусков белой материи, каждый в длину приблизительно в 2,5 аршин, при ширине в 1,5 аршин. Ихрам надевается на голое тело, а потому предварительно нужно разоблачиться догола. Один кусок ихрама подвязывался на поясе и покрывет нижние части тела, а другой кусок покрывает верхние части от пояса до плеч; голова, руки, ноги остаются не покрытыми. В таком костюме нужно ехать дальше, причем покрываться халатом и чем-нибудь иным допускается только в исключительных случаях. По предписаниям шариата, без ихрама никому нельзя входить в Мекку, и паломнику, надевшему ихрам уже многое не дозволяется, в т.ч. полового сношения, бритье головы, вырывание волос, обрезывание ногтей и проч., нельзя даже почесаться и бить беспокоящих тело известных насекомых, что для многих из паломников представляет не последнее лишение... Впрочем, в том же шариате перечислено много причин и обстоятельств, допускащих все это; но подобные допуски обуславливаются денежными откупами, или жертвоприношениями. [...]

Из Хадды наш караван тронулся под вечер и прибыл в Мекку 2 мая на рассвете. При въезде в город он остановился на какой-то большой площади, мы же, не останавливаясь, поехали к своей квартире, куда нас повели почти через весь город. Было еще довольно темно, и в сумраке рассвета я ничего не мог хорошенько рассмотреть. Верблюдов вели по узким и кривым улицам; она то спускалась под гору, то поднималась; по сторонам дороги возвышались стены и дома. Местами мы наезжали на спящих прямо на улице каких-то людей; при приближении наших верблюдов полусонные люди вскакивали с испугом на ноги, поднимался гвалт и крик, но конвойные, шедшие с ружьями в руках по сторонам наших верблюдов, как-то скоро прекращали шум и крики, и мы спокойно ехали до следующей кучки бездомников, избравших улицу своей спальней... Наконец верблюды остановились у одного двухэтажного дома, где жил мой знакомый татарин, некто Абдрахман Султанов, перебравшийся из Ташкента на жительство в Мекку. Он встретил меня у ворот дома; тут же с ним находился далил Мухаммед Али, встречавший нас в Хадде и уехавший вперед.

Каждый вновь приехавший в Мекку паломник, прежде всего обязан совершить таваф* (Таваф - собственно значит “обход”; при обряде вступления в Мекку прежде всего совершается семикратное обхождение вокруг Каабы, называемой Байтулла, т.е. Храм Божий, после чего паломник идет на находящиеся по соседству с Каабой места Сафы и Мерва, и совершает между ними тоже семикратное хождение, все время читая установленные молитвы под руководством далиля, в случае же незнания молитвы, паломник повторяет их за далилем) - семикратное хождение вокруг Каабы (Байтулла) и между Сафа и Мерва и потом уже снять свой ихрам. Несмотря на сильнейшее утомление от переезда на “корабле пустыни”, в экипаже, не делавшем особенно большой чести остроумию и сообразительности арабов, я принужден был подчиниться священным правилам обряда вступления, что и исполнил в утреннем сумраке под руководством далила Мухаммад-Али. Таваф мой длился весьма долго, так что я вернулся в **[122]** свою квартиру к 7 часам утра. Ко мне явился цирюльник и обрил мне голову, после чего я и снял свой священный костюм. Жена и дети еще спали. Султанов со своею женою суетились над приготовлением достархана - закуски из разных сластей, что хорошо известно всем туркестанцам.

Время уже подходило к 8 часам, как начали являться один за другим меккские далили, распорядители водою священного колодца Зем-Зем, ключники Бейтуллы, татары - содержатели такиэ (нечто вроде караван-сараев), бухарцы, сарты, киргизы и др. паломники из Ср.Азии. Затем все далили прислали из своих домов обеды. Здесь существует такой обычай: каждый далил приветствует своего более богатого паломника довольно сытным обедом, присылаемым на квартиру, занятую прибывшим. В Мекке паломники между далилами распределяются по племенам и национальностям; но мне, как представителю от всех племен мусульман, подданных России, и обеды были присланы от всех далилей, распределивших между собою наших паломников. За эти приношения, конечно, нужно было впоследствии одаривать. Собственно в этом и заключается вся суть любезности присылки обедов прибывшему путнику. Гостеприимства в этом нет и

следа, а простой расчет получить за обед по меньшей мере вдвое и втрое против стоимости кушаний. Мой хозяин Султанов, как человек опытный и торговый, делал аккуратную расценку каждого обеда, применяясь к местным базарным ценам на продукты, определил цену обедам от двух до трех меджидие, а так как турецкая монета меджидие стоит на русские деньги 1 р. 60 коп., то с прибавкою процента за любезность и радушие далилей, мне приходилось платить порядочно, тем более, что обедов было прислано около десяти. Из них мне с семьей нужен только один обед, почему все лишние пошли в угощение явившихся ко мне соотечественников и др. гостей. В числе последних был и главный далил г.Мекки по имени Мухаммад-Али; к моему удивлению, он вдруг заговорил со мною по-русски. Оказалось, что он за путешествие по Туркестанскому краю без паспорта был арестован и более двух лет, пока шла о нем переписка, просидел в Ташкенской городской тюрьме, где и научился русскому языку. Какие иной раз странные встречи бывают...

Оставаться нам долго в чужой квартире и стеснять семейного человека было нельзя, между тем до времени совершения всех обрядностей хаджа оставалось еще около двадцати дней. Приходилось подыскать себе квартиру, чем я и занялся на другой день. Город был уже битком набит паломникам, все порядочные квартиры были заняты, а потому на оставшиеся еще свободными кое-какие помещения в центральной части, а в особенности поблизости к Байтулле, цены стояли страшно высокие. [...]

Квартиру мне приискали в доме одного кокандского выходца сарта муллы Садыка, который сам упросил своего квартиранта отделить мне две комнаты за 16 лир в месяц, то на русские деньги за 136 рублей. Цена чисто меккская и тем более удивительная, что весь дом нанимается в год за 39 лир, т.е. за 255 рублей. Как можно видеть, здесь умеют пользоваться удобным случаем... [...]

Глава 4. *Город Мекка.*

Город Мекка расположен в долине и окружен со всех сторон высокими горами; он выстроен на песчано-каменистом грунте и занимает площадь приблизительно в три квадратных версты. Дома в нем от двух до пяти этажей и почти все выстроены из горных камней, в виде неправильных, необтесанных кусков, сложенных в стены на цементе: крыши, а также и полы в комнатах тоже цементные. Почти все дома приспособлены под наем квартир и очень неприглядны; не говоря уже о внутреннем виде комнат и об их санитарном состоянии, по наружному виду дома похожи на какие-то старые замки, оставленные без ремонта и вообще без всякого призора. Видать, что их хозяева смотрят на них, как на предмет дохода, а так же как, вследствии периодического наплыва паломников, он постоянно обеспечен, то они и не заботятся ни о внешнем виде домов, ни о внутреннем их благоустройстве. Всех домов в Мекке насчитывается до трех тысяч; нижние их этажи почти повсюду занимаются торговыми помещениями, жилые же помещения находятся в верхних этажах, в которые ведут простые, малоудобные и грязные лестницы. Улицы города весьма

неправильны, кривы и очень узки, как впрочем почти во всех восточных, о тем более старых городах, каков и есть г.Мекка, выстроенный очень давно.

Приспособление домов под жилые и торговые помещения заметно даже и на центральной части базара, расположенного по улицам преимущественно вокруг Бейтуллы; всех лавок насчитывается до двух тысяч. Базарная обстановка и характер торговли во многом сходные со среднеазиатскими; размер лавок, в среднем, не превышает одной квадратной сажени, следовательно, они также тесны, неудобны и неприглядны, как и у нас, в азиатских частях городов. В главной улице базара, около Бейтуллы, паломниками совершается тавaф - семикратное шествие на Сафа и Марва, которые представляют собой нечто вроде сводчатых ворот, поставленных по концам улицы; одни ворота называются Сафа, другие Марва; расстояние между ними около 300 сажен. Во время хаджа по этой улице постоянно толпится множество паломников, одетых **[123]** в ихрамы, описанные выше, что производит весьма странное, оригинальное впечатление на глаз, не привыкший к таким костюмам.

Торговцы в Мекке преимущественно сирийцы, персияне, жители Дамаска и индийские мусульмане. Базар переполнен всевозможными товарами европейских фабрик, в особенности здесь много медной посуды индийского изделия. [...]

Вследствие пустынности страны, окружающей Мекку и кочевого быта ее населения, всякие жизненные продукты доставляются в город из других стран и городов. Так, свежие фрукты, виноград, абрикосы (урюк), персики, винные ягоды и проч. привозят из Таифа; финики - из Медины, разная огородная зелень, дыни, арбузы и проч. - из местности Вади Фатима; разный хлеб, а также картофель и капуста - отчасти из Каира, а главное из Бомбея. Для размола привозного зернового хлеба в городе имеются мельницы, самой простой конструкции, приводимые в действие ослами и мулами. Как в самом городе, так и в его окрестностях никаких садов и огородов и вообще посевов нет, что зависит прежде всего от недостатка воды для орошения, без этого же в стране растут только финиковые пальмы и дикие растения: травы и колючие кустарники.

В центре главного базара, около Бейтуллы, находится специальный рынок для торговли рабами, он состоит из двух небольших отделений. Рабыни и их дети сидят обыкновенно на скамейках, а рабы помещаются прямо на полу. Эти несчастные люди принадлежат к черной и желтой расам, откуда они доставляются сюда - мне точно неизвестно. Цены на рабов вообще недорогие. Из любопытства я заходил на этот рынок и не рад был, что зашел... Эта непривычная для меня картина превращения людей в скот или вещь, сильно меня взволновали, и я поскорее ушел.

Вода для питья, купания, омовений и вообще для домашних потребностей проведена в Мекку по подземным трубам из дальних гор, верст за 40. Водопровод этот сделан вдовой халифа Гарун ар Рашида

Зубейдой и существует в исправности до сего времени. Вода находится в закрытых резервуарах, расположенных в разных частях города; жители пользуются ею бесплатно. Но кроме того, как в самом городе, так равно и за городом имеются большие цистерны для стока дождевой воды, они составляют частную собственность, принося владельцам хороший доход от продажи из них воды. Вода из цистерн продается хозяевами преимущественно через рабов, которые развозят ее по городу в турсуках на верблюдах и ослах, или же разносят пешком, взвалив турсуки на спины. Многие вдовы и сироты, владеющие цистернами, как наследственным достоянием, покупают рабов и употребляют их на частные заработки, преимущественно в качестве водоносов.

Коров у городского населения вообще мало и коровьего молока трудно достать и оно дорого; доят коз. Бараны здесь очень мелкие и худые, почему мясо их невкусное, жесткое, не то, что мясо наших среднеазиатских баранов. Дрова и угли привозятся в город на верблюдах из окрестностей страны.

Для бедных паломников всех национальностей в городе имеются бесплатные помещения, называемые такиэ, в виде домов, они выстроены в разное время и пожертвованы в пользу паломников богатыми мусульманами и народами, исповедующими ислам. Этими такиэ заведуют особые лица. Внешний и внутренний вид их весьма неудовлетворителен, как вообще в большинстве домов в городе. [...]

Вообще по части городского благоустройства и удобств жизни так же мало сделано, как и в других чисто азиатских городах. Здесь вовсе нет извозчиков, и экипажи имеются только у губернатора и меккского шерифа. Лошадей нет вовсе, сообщения по городу производится на ослах верхом, а турецкая кавалерия, как я говорил об этом выше, посажена на мулов. Почему здесь, в главном городе страны, славящейся своими лошадьми их нет вовсе, я не мог добиться, но могу удостоверить, что лошади здесь большая редкость. Уличного освещения по ночам в городе тоже нет вовсе, а в домах практикуется освещение керосиновое при помощи английских ламп и американского керосина.

Постоянного населения в городе считается до 30 тыс. душ, обстановка в домах, в общем, далеко неказистая; мебели в комнатах почти нет, и арабы, по большей части, сидят и лежат на полу, как впрочем все восточные народы; своего домашнего хозяйства почти не ведут, довольствуясь всем с базара. По этой причине в городе масса кофеен, съестных лавочек и пекарен. В городе довольно много живет наших среднеазиатцев, они занимаются разными промыслами и не думают возвращаться на родину.

Население города живет довольно нескучно. На праздниках во время поста рамазана, курбан-байрама и проч. устраивают большие народные гуляния с каруселями и плясками мужчин в особых балаганах; на гуляниях устраиваются кофейни, съестные лавочки; здесь же продаются мелочными торговцами всевозможные безделушки, игрушки для детей, словом, устраивается праздничный базар. На

гуляния собираются преимущественно женщины и дети в пестрых и блестящих костюмах. В особенности поражает непривычный глаз фантастические костюмы детей из парчи и кисеи; они обвешаны с головы до ног всевозможными ожерельями, серебряными монетами, разными побрякушками. Это какие-то костюмированные балы детей, устраиваемые на открытом воздухе... Женщины хотя и ходят с закрытыми лицами, но гуляют совершенно свободно, громко перекликаются в толпе, разговаривают, смеются; исключительно **[124]** только ими занимаются карусели: они усаживаются на них обыкновенно попарно, поют песни, играют в бубны... Это не только им не воспрещается и никто их не осуждает, но напротив мужчины чинно стоят в стороне и слушают их песни и игры на бубнах (здесь никакой иной музыки обыкновенно не бывает). Я невольно удивился такой свободе женщин в городе и вообще в Геджисе. На гуляние собирается публика со всего города, здесь и офицеры, и чиновники, и солдаты; приходят также, конечно, и паломники, прибывшие со всех концов света; торговцы; бывают кадии, имамы, раисы, словом, представители всех классов городского общества и представители всех мусульманских народностей земного шара. Толпы мужчин ведут себя весьма скромно и прилично, как бы не замечая вовсе веселящихся женщин. По вечерам обыкновенно пускают ракеты, жгут бенгальские огни, которые очень дешевы: от пяти до десяти коп. штука; их отчасти приготовляют сами арабы, наибольшее же количество привозится индийскими торговцами из Бомбея. Вообще по вечерам на гуляниях очень весело; трещат и лопаются ракеты, горят разноцветные блестящие бенгальские огни, освещая пеструю, оживленную шумящую толпу, фантастические костюмы детей; повсюду гремят бубны, раздаются песни женщин... Шумно, пестро, оживленно и все крайне оригинально...

Нужно, однако, заметить, что женские нравы в Мекке не отличаются особой чистотою. Конечно, всем понятно, что в городе, куда собирается множество бессемейного народа, иначе и быть не может. Существующее мнение о том, что паломники могут жениться на разные сроки от нескольких дней до нескольких месяцев, я подтвердить не могу, но известно, что спрос везде вызывает предложение... В городе много рабынь, а под городом есть притоны самого низкого разбора...

Заговорив о меккских женщинах, не могу не упомянуть об одном их оригинальном обычае. Все они курят и отправляясь куда-нибудь в гости, предварительно посылают свой наргале (кальян), а придя, усаживаются, курят и болтают с хозяйкой, как это делается повсюду и у всех народов. Вообще курение наргале в Геджисе представляет собой почти тоже, что у нас самовар и чаепитие, т.е. и угощение и времяпрепровождение... Поэтому табак здесь во всеобщем употреблении и его часто не достает в лавках. [...]

В Мекке имеется казенная типография, печатающая только книги религиозного содержания, а также рисунки видов Мекки, Медины, Бейтуллы и проч. Все печатается очень дешево: берут только за бумагу и немного за труд. У двух главных ворот Бейтуллы находятся книжные базары; покупаемые здесь паломниками книги и рисунки развозятся

ими во все концы света. Их, как известно, можно немало встретить и у нас, в Средней Азии, в мечетях и саклях туземцев.

Глава 5. *Бейтулла.*

Бейтулла, или Бейтуллах (дом Божий), иначе Кааба, есть главная святыня Мекки; здание это находится в центральной части города посредине огромного четырехугольного двора, занимающего площадь приблизительно с четыре десятины. Площадь обнесена со всех сторон стенами, вдоль них выстроена терраса, перекрытая куполообразной крышей, обращенная открытой стороной к Бейтулле; она украшена колонадой из мраморных и каменных столбов или колонн довольно простой работы. Пол этой террасы выложен местами из мраморных, а местами из простых камней неправильной кубической формы, укладка их самая грубая. Над террасой в разных местах возвышаются семь минаретов. Так как площадь, на которой находится здание Бейтуллы и окружающие его террасы, ниже полотна примыкающих улиц по крайней мере на полторы сажени, то при входе со всех сторон необходимо спускаться по широким каменным лестницам; в таких местах устроены ворота, коих считается до сорока. Все эти постройки самой простой архитектуры и по своему характеру и внешнему виду не представляют решительно ничего замечательного, все как-то бедно, сделано грубо и некрасиво.

От террасы через всю дворовую площадь, по направлению к Бейтулле, проложены устланные камнем дорожки шириной до 2,5 арш., по сторонам которых местами имеются решетчатые ящики. В них стоят простой гончарной работы корчаги с водой священного источника Зем-Зема; на ящиках лежат медные чашечки для питья воды, что может делать каждый из паломников и притом бесплатно. Вся дворовая площадь усыпана крупным песком. Вокруг стен Бейтуллы устроен помост из мраморных плит; он окружен проволоками из прутового железа, укрепленными концами в чугунных столбах, поставленных вокруг помоста; для входа на помост оставлены проемы. Таваф вокруг Бейтуллы совершается по этому помосту.

Здание Бейтуллы выстроено из больших кусков горных камней, не одинаковой величины, грубой отески, серого цвета, без всяких наружных украшений. Вышиной здание приблизительно 5 сажень, шириной не более 3-х сажень. Форма его основания квадратная. В восточном углу в стену вделан знаменитый черный камень хаджар-аль-асват, главная святыня Бейтуллы. Он вделан в стену на такой высоте, чтобы можно было его целовать, т.е. приблизительно на 2 аршина от пола, окружающего здание мраморного помоста. Камень сверху и с боков обложен серебром; на виду оставлена только часть его для целования паломниками. Величину его **[125]** определить невозможно. Серебряная пластина, закрывающая камень, имея овальную форму, огибает угол здания. Посредине ее сделано небольшое отверстие, в котором в углублении видна часть камня. Цвет его темно-красно-бурый с прожилками. Хотя за точное определение такого цвета я не ручаюсь, потому что вообще не знаток в распознании цветов, но во всяком случае, он не черный, как об этом рассказывают. За это я вполне

ручаюсь, так как рассмотрел видимую часть камня весьма внимательно. Дня входа во внутренность Бейтуллы имеется с северной стороны всего одна дверь, находящаяся на высоте сажени от площади окружающего двора. Окон нет вовсе. Дверь деревянная и с наружной стороны обложена листовым серебром. Входят обыкновенно при помощи простой приставной лестницы, а в торжественных случаях по чугунной лестнице на колесах, которая подкатывается к двери она стоит обыкновенно во дворе, несколько в стороне от Бейтуллы.

Крыша Бейтуллы плоская; для стока с нее дождевой воды с западной стороны устроен желоб, как говорят, золотой; на нем висят золотые украшения величиною в кисть руки. С западной стороны здания имеется небольшая полукруглая мраморная стенка. По словам арабов, эта стенка означает, что здание Бейтуллы ранее было больше и это есть остатки старых стен (по преданию Кааба строилась 10 раз). Все здание Бейтуллы с наружной стороны, от крыши до фундамента стен, обыкновенно покрывается толстой, черного цвета, шелковой материей (то покрывало все заткано словами на арабском языке, основного догмата ислама: “Ля Илляга илль-Аллагу, Мухаммед расуль-Улла”, т.е. “Нет Бога, кроме Единого Бога и Мухаммед Его пророк”. Это же изречение выткано посредине покрывала серебряными вызолоченными нитями; оно окружает при надетом покрывале Каабу как бы поясом. Покрывало ежегодно приготовляется новое по распоряжению турецкого султана по особому заказу. За три дня до начала хаджа покрывало подбирают снизу до половины высоты здания, а обнаженную часть стены закрывают белым полотном. Простой народ думает, что Бейтулла покрывается ихрамом, на самом же деле это делается для того, чтобы паломники прикасаясь к покрывалу не рвали его, что всегда возможно ожидать от толпы, собирающегося люда всевозможного народа. Следовательно, в покрытии нижней части Бейтуллы белым полотном нет ничего религиозного, а простой расчет сохранить в целости драгоценное покрывало, каждый кусок коего приносит заведующим Бейтуллою значительный доход. Накануне хаджа старое покрывало заменяется новым. Старое поступает в пользу служащих при здании, режется ими на куски, которые и продаются паломникам. Части покрывала, затканные серебром, поступают в пользу меккского шерифа. Он извлекает из материи серебро и продает серебрянникам. Они делают из него особые кольца, которые называются "баба-сир-июзюк", т.е. кольца от грыжи. Концы серебрянной пластинки кольца почему-то никогда не спаиваются. Так как кольца из освященного серебра, по поверию мусульман имеют целебные свойства, то они ценятся вообще довольно дорого, почему как шериф, продающий серебро, так и серебрянники, работающие из него кольца, получают хороший доход.

Внутренность Бейтуллы имеет следующий вид. Пол устроен из мраморных квадратных плиток. Нижняя часть стен, в виде панели, приблизительно на 1,5 аршина от пола обложена мраморными плитами с арабскими на них надписями. Посредине комнаты поставлены три деревянных столба, поддерживающие потолок. Стены обтянуты парчевой материей. Какого вида потолок, точно не знаю - смотреть на него почему-то считается большой неучтивостью. От стен по линии

столбов, выше человеческого роста, протянута простая пеньковая веревка в палец толщиной, на которой повешены множество серебряных и золотых разной величины и формы кувшинов и ваз. Это все приношения богатых паломников. С левой стороны от входа у самой двери, стоит небольшой, самой простой работы, ничем не покрытый деревянный столик. На нем лежит большой серебряный ключ. По желанию паломника ключ этот прикладывают ему к груди и на язык, за что взимают плату по усердию и щедрости паломника. Что это означает, я дознать не мог.

В правом углу комнаты имеется загородка в виде небольшого чулана; в ней находится вход на крышу. Говорят, что из этой загородки есть спуск в подземелье, имеющееся под зданием. Ходит молва, что в этом подземелье хранятся редкостные и драгоценные вещи.

Проникнуть во внутренность Бейтуллы не так-то легко и, во всяком случае, это доступно далеко не всем паломникам. Дверь здания за время хаджа открывается только в известные дни и вход туда стоит немалых денег. Впрочем, при желании вход возможен и каждый день по особому предварительному заказу, но это доступно только весьма богатым лицам, стоит многих хлопот и порядочных издержек. Арабы уверяют, что в Бейтуллу каждый день являются на поклонение 72 ветра и что между ними много вредных для здоровья людей, но много и полезных...

В северо-восточной стороне двора, недалеко от Бейтуллы, находится колодец Зем-Зем под каменным павильоном, имеющим одну входную дверь. Устье колодца обложено кирпичной оградой круглой формы, высотою в один аршин. В колодец опущена железная круглая решетка с решетчатым же дном. Сделано это ввиду того, что были случаи самопожертвований со стороны особенно восторженных паломников: они бросались в колодец и их тела не были находимы, будто бы потому, что он не имеет дна. Все это, разумеется, только религиозные рассказы. На самом деле глубина колодца до воды приблизительно 27 аршин и глубина воды в нем до 17 **[126]** аршин. Здесь глубину колодцев измеряют обыкновенно ростом человека. О Зем-Земе говорят, что глубина его до воды 11 человек, а глубина воды до дна 7 человек. Принимая средний рост человека в 2,5 аршин, я и даю цифры глубины в аршинах (Ходит какой-то неясный и не доказанный слух о том, что на самом деле, никакого колодца здесь нет, а вода проведена сюда под землею из какого-то источника - Ред). Воду из колодца черпают кожаными бадьями, поднимаемыми и опускаемыми на веревках при помощи кое-как устроенных блоков, похожих на блоки в киргизских колодцах в наших пустынях. Теплая вода Зем-Зема считается у мусульман целебною от всех болезней. Только что вынутая из колодца она имеет несколько солоноватый вкус, отдающий щелочью. Пить ее для утоления жажды нельзя. Для этого воду разливают в 5 корчаг, остуживают и дают время отделиться находящимся в ней газам. Зем-Зем - источник, видимо, минеральный. Настоящий химический состав его воды едва ли кому известен, так как если европейские ученые и исследовали ее состав, то, очевидно, по запасам паломников, в которых газообразные части уже испарились.

Колодец Зем-Зем управляется двумя братьями, шейхами из одного арабского рода, у них в подчинении находится масса служителей из их же рода. Начерпанная с вечера вода Зем-Зема разливается во время хаджа в тысячи горшков и утром разносится по квартирам зажиточных паломников. На следующий день запас заменяется новым, а пустые горшки уносятся служителями обратно. За это шейхи взимают деньги, ходя по квартирам паломников. Таксы нет, а довольствуются тем, что дают. Во время пятничного намаза во дворе Бейтуллы Зем-Зем разносится по рядам паломников во время антрактов моления. Разносят в кувшинах и в медных чашечках, за что взимается сбор с молящихся, но опять-таки без определения сумм, а по усердию и щедрости паломников. Разносится вода Зем-Зема и в будничные дни, но денежного сбора уже не делается - принято платить один раз в неделю, именно в пятницу, хотя, конечно, служители не отказываются принимать от особенно щедрых паломников даяние и в будничные дни. Паломники обыкновенно набирают воду в бутылки, флаконы, пузырьки и развозят ее по всем странам света. Возвратившись на родину, они одаривают ею родных, друзей и знакомых, а некоторые и продают, иногда за дорогую цену. (С колодцем связано известное библейское предание об Агари и ее сыне Измаиле. Когда Измаил умирал от жажды и его мать нашла наконец колодец, она закричала ему: “Зем, зем!”, что по-египетски значит: “Приди, приди!” Отсюда и произошло название колодца. - Ред.).

Во дворе Бейтуллы находится пять макамов (мест). Главный из них макам Ибрагима, т.е. Авраама, который, по одному преданию, строил Каабу. Этот макам помещается на северовосточной стороне от Бейтуллы. В решетчатом павильоне, с дверью постоянно под замком, находится камень, покрытый материей, вышитой золотом. Камень этот служил пророку Ибрагиму при постройке Бейтуллы подставкой, он, при постройке, смотря по желанию строителя, то поднимался, то опускался, заменяя собою леса. Таково предание. Другие четыре макама, находящиеся по сторонам Бейтуллы в виде небольших павильонов, представляют собою четыре секты мусульманства, на которые оно делится, именно четыре имама, представителей сект: Мале-ки, Ханифи, Шафи, [Ханбаль]. В восточном углу двора находится огороженное деревянною решеткою помещение для женщин. Здесь они стоят во время совершения намазов (молитв), так как в это время у мусульман не принято допускать женщину в среду мужчин. Как самая площадь двора, так и пространство под террасою по ночам освещается тысячами огней в разноцветных шарообразных фонарях.

Бейтулла находится в полном заведывании меккского шерифа и управляется одним из старших шейхов рода Бени Шейбе в наследственном порядке, как о том повалено в Коране. У этого шейха находится ключ от Бейтуллы. Он же заведует содержанием здания и наружного двора в порядке и проч. Масло и другие осветительные материалы отпускаются турецким правительством. В распоряжении этого шейха имеется множество служащих из его же рода. Как их начальник, так равно и все они носят название “хрям-агалары”. Они следят за порядком и тишиною во время сборищ паломников. Словом, это полные хозяева Бейтуллы. Нынешний меккский шериф Гаун-аль-

Рафик отобрал ключ от прямого наследника по старшинству в роде Бени Шейбе и передал его другому лицу, хотя и того же арабского рода, но более младшему в роде, т.е. с нарушением порядка строгой наследственности. За это мекканцы считают его нарушителем божьих повелений.

Глава 6. *Меккский шериф. Паломники и долили.*

Меккский шериф (слово "шериф" или "шарфи" значит благородный, священный), это высшее духовное лицо всего мусульманского мира. По своему происхождению он считается прямым потомком и наследником пророка Мухаммеда. В былое время меккские шерифы играли роль эмиров, т.е. независимых высших правителей. В настоящее время хотя это звание и осталось за ними, но никакого практического значения не имеет, титул только на бумаге. За последние 20 лет власть меккских шерифов совершенно ограничена турецким султаном. Они только духовные начальники, никакой гражданской власти не имеют, подчиняются турецкому **[127]** губернатору и назначаются на должности по его представлению турецким султаном. Потомки пророка Мухаммада называются сеидами, а каждый сеид в Гаджисе носит звание шерифа, а потому шерифов здесь очень много. Они носят особый знак отличия, кривой нож на поясе и пользуются среди арабов почетом и уважением. Многие из них занимаются скотоводством, но большинство, имея верблюдов посылают их на заработки с своими рабами по перевозке тяжестей и пассажиров по стране. Из этого рода сеидов назначается и меккский шериф. В 1895 году шерифом в Мекке был Гаун-аль-Рафик. Ему было уже под 60 лет, и он имел постоянную резиденцию в Таифе - в городке верстах в 70 от Мекки по направлению на восток за Арафатом.

При шерифе обычно состоит турецкий конвой из 50 человек солдат при двух офицерах, которые считаются адъютантами шерифа и носят аксельбанты, как и адъютанты меккского вали.[...]

Все духовенство Геджаса, далили, вакили, лица причастные к Бейтулле, а также все мелкие шерифы находятся у него в полном подчинении. Он есть глава и начальник всех тех лиц, которых по европейским понятиям, можно назвать духовными лицами, хотя в мусульманстве собственно духовенства и нет, по крайней мере, в том виде, как это существует у христиан. Местные кадии (по среднеазиатски, казии, т.е. судьи), шерифу, однако, не подчиняются. В делах совершения хаджа, именно в выполнении священных его обрядностей, он никакого участия не принимает, исключая поездки на Арафат и в Мину. Через подчиненных ему далилей и вакилей он оказывает содействие паломникам в путешествии по святым местам, например, при поездке в Медину, отпуская для них ежегодно десятки тысяч верблюдов с верблюдовожатыми. Такса за наем верблюдов устанавливается им однако по собственному усмотрению. От этого он имеет крупный доход. В поставке верблюдов для паломников и перевозке их тяжестей принимает, впрочем, участие и меккский вали (губернатор). [...]

По прибытии в Мекку в ихрамах, надетых на границах “священной области”, паломники прежде всего совершают таваф вокруг Бейтуллы и между Сафа и Мерва, снимают затем ихрамы, устраиваются на частных квартирах или в общественных такиэ, переодеваются, и все время, в ожидании хаджа толкаются во дворе Бейтуллы, то по базарам. Здесь они покупают разные мелочи и безделушки: финики, сурьму, четки, воду Зем-Зема, разные книги, молитвенники, литографированные виды Мекки, Медины, Бейтуллы и проч. Кроме того, покупают куски белой бязи или полотна на саван. Эти куски обмачиваются в воде Зем-Зема и просушиваются во дворе Бейтуллы. Во время хаджа в Мекке продается огромное количество указанных сортов материи, что дает значительный барыш торговцам. Немало получают дохода и служители Бейтуллы, за обмачивание будущих саванов в водах Зем-Зема и просушку их у Бейтуллы. По мусульманскому поверью, покойник, обернутый в саван, обмоченный в воде Зем-Зема, избавляется от адского огня на том свете...

Все свои покупки, предназначенные для себя и подарков родным и знакомым на родине в память посещения священного города, паломники стараются сделать заранее, чтобы по окончании хаджа поскорее выехать на родину. Вследствие этого в месяц хаджа улицы Мекки положительно представляют собою вид ярмарки религиозного вида. По улицам и базарам народ кишит с раннего утра до поздней ночи. Один куда-то спешит, торопится, другой толкается без всякого дела; по улицам между Сафа и Мерва только что прибывшие паломники совершают таваф под руководством далилей и вакилей, бегая легкой рысцою и оглядываясь по сторонам, вокруг Бейтуллы - тоже. Если смотреть на улицу со второго или третьего этажа дома, то толпа, запружающая собою улицу, как бы стоит на одном месте, как бы заключена в узкий продолговатый ящик; народу, как говорится, яблоку упасть негде, слышен только шум толпы, голоса... Между тем на улице пыль, жара страшная, просто дышать нечем...

Всех паломников можно разделить на четыре категории: действительные, специалисты, промышленники, плуты. Действительные или истинные паломники едут в Мекку единственно по религиозному стремлению, как и христиане в Иерусалим, буддисты в Тибет, в Лхассу и проч. Они исключительно заняты только совершением хаджа, т.е. выполнением религиозных обрядностей и обязанностей, после чего немедленно возвращаются на родину. Это, разумеется, лучшие из паломников. Паломники - специалисты занимаются совершением хаджа за других, что допускается шариатом, и как люди уже опытные в этом деле, служат путеводителями для новичков. Они называются “бадальцами” - совершающими хадж за других, конечно, не без вознаграждения. Наши бадальцы постоянно вертятся между Россиею и Меккой, превращая хадж в какое-то ремесло. Этим занимаются преимущественно муллы, имамы и пр., словом, мусульманские духовные лица. Сами, за себя они на поклонение вообще мало ездят, а проезжают чаще бадальцами. Бадальчество особенно развито среди наших татар, хотя в последнее время начинает развиваться и среди степного киргизского населения.

Паломники-промышленники занимаются преимущественно торговлей, везут от города до города разные товары, и останавливаются на неопределенное время там, где для них выгодно. Поспеть или опоздать ко времени хаджа для них, собственно говоря, совершенно безразлично. Таким же порядком они возвращаются обратно. Часто они женятся по пути и остаются на жительство в тех городах Аравии или вообще Турции, где нашли себе пристанище. Паломники-плуты избрали себе специальность обирать более простодушных из своих собратий, а **[128]** особенно являющихся из разных диких местностей. Они встречают и провожают таких паломников на пути их следования, заботятся об их благополучии и интересах; прикидываются самыми добрыми и простодушными спутниками, в особенности на пароходах. Изучив характер спутника и узнав его достояние, эти плуты при первом удобном случае, обирают доверчивую жертву и бросают ее часто на произвол судьбы среди чужих людей, вдали от родины. В этой профессии замечаются и женщины.

Как выше я говорил, далили есть руководители при совершении хаджа. Это совершенно частные люди, т.е. духовные лица и не чиновники. Далилям дается это звание непосредственно самим меккским шерифом, а затем уже это звание и обязанности переходят наследственно от отца к сыну. Все далили местные арабы; знают турецкий язык, люди довольно зажиточные и пользуются среди паломников почтением и уважением. Мекканцы же смотрят на них теми же глазами, как у нас смотрят на адвокатов… […]

О всех умерших в Мекке и вообще в Геджасе паломниках далили обязаны заявлять особому турецкому чиновнику, должность которого носит название “байтуль-мал” (Прим. Бай-туль-мал собств. знач. заведующий выморочными имуществами и наследствами). И он обязан принимать имущество и деньги умерших на хранение, что далеко не всегда аккуратно исполняется. […]

Глава 7. *Арафат*

Временем совершения хаджа считаются мусульманские месяцы лунного года шеваль, зулькаде и часть месяца зуль-хидже, но так как месяцы лунного года не совпадают с месяцами года солнечного (первые короче последних), то хадж совершается в разные времена года. Иногда хадж приходится на летние месяцы, иногда на зимние. Мусульманский лунный год имеет, как известно, 355 дней, а год христианский - 365 дней с лишком, почему мусульманский отстает от христианского (солнечного) на 10 дней в год, отчего и бывает, что, например, пост рамазан в течение известного числа *леи* случается весною, летом, осенью и зимою. То же самое бывает и с временем хаджа, который в 1895 году был весною.

Главные религиозные обрядности хаджа заключается в следующем: на границах священной области Мекки паломник обязан надеть ихрам, вступить в нем в Мекку и совершить таваф - семикратное обхождение вокруг Бейтуллы и семь раз пробежать рысцою между Сафа и Мерва. Эти обряды можно считать “обрядами вступления” в

Мекку. Затем он должен в назначенное время (в 7 день месяца зуль-хидже) совершить путешествие на Арафат, слушать там хутьбу имама. Сюда ходят в ихрамах. Потом идти в местность Муздаляфа, собрать камешки и бросать их в шайтана в местности Мина, где и принести жертву. По окончании этих обрядностей паломник возвращается опять в Мекку и совершает таваф такой же, какой совершался при “обряде вступления”. Это главные обрядности. Все остальное, требуемое шариатом и обычаями, уже роскошь и исполняется немногими паломниками, в т.ч. и путешествие в г.Медину.

Во время моего хаджа поездка на Арафат, или иначе день Арафата, состоялась 21 мая в воскресенье. Я, надев ихрам, выехал с женою накануне, в субботу утром. Улицы Мекки были битком набиты верблюдами, по ним, как говорится, не было ни прохода, ни проезда. Верблюдовожатые суетились, передвигая верблюдов то вперед, то назад. На узких улицах верблюды стесняли друг друга, задевали сидениями и опрокидывали паломников на землю. Над городом стоял невообразимый шум и гвалт. В спертом воздухе стояли столбы пыли. Сверху немилосердно пекло солнце... Наконец, к 9 часам утра, с большим трудом мы выбились в предместье города, где и остановились, чтобы дать необходимый отдых людям и животным. [...]

Арафат находится на восток от Мекки в 20 верстах. Между ним и городом есть местечки Мина и Муздаляфа, имеющие непосредственное отношение к хаджу паломников. Об этих местечках я скажу ниже. Дорога на Арафат пролегает между пустынными горами. Самый Арафат есть ни что иное, как песчано-каменистая долина, площадью приблизительно в 15 кв. верст. На нем местами растет кустарник, местами на песчаных буграх нечто, вроде камыша. Вокруг этой долины возвышаются горы. Место в долине, предназначаемое собственно для остановки паломников, находится в северной стороне долины. Оно огорожено особыми знаками, в виде столбиков и воротцев. При мне стан выехавших на Арафат паломников, состоящий из палаток, занимал не более 5 кв. верст и, по моему приблизительному расчету, паломников собралось никак не более 30 тыс. человек, между тем, по преувеличенным рассказам паломников, обыкновенно полагают, что здесь ежегодно собирается более 150 тыс. человек. Близ этого лагеря, на северной стороне долины, возвышается каменистая гора, вышиной от 50 до 70 сажень. На ней находится павильон самой простой архитектуры, нечто вроде среднеазиатской балаханы, где хатыб-имам читает хутьбу (Прим. Имам соб. знач. - предстоящий на молитве, по обязанностям соответствует христианскому священнику. Хатиб-имам-имам более важный, читающий в мечети пятничные молитвы. Хутьба-поучение. Ред.). Вот эта гора и носит собственно название Арафат, или иначе Гарафат. На ней архангел Гавриил являлся Мухаммаду в своем настоящем виде. Слово “Гарафат” значит истина (Прим. По толкованию арабистов, Араф, или Арафат, как пишет автор, означает “место познания”. Такое название дано этому месту потому, **[129]** что здесь Адам свиделся с Евою после долгой разлуки. Ред.). Около горы обыкновенно останавливается меккский шериф, губернатор и др. должностные и почетные лица, выезжающие на Арафат. Позади их располагаются турецкие войска и артиллерия, а дальше, в глубину

долины - паломники, кому где и как угодно. Подниматься на гору Арафат для паломников, по правилам хаджа, не обязательно, но это никому и не возбраняется.

В южной части долины находится огромный двор и мечеть, называемая мечетью “пророка Ибрагима”, т.е. Авраама. В центре долины лежат развалины каких-то стен, что они собою представляли в свое время и когда разрушены, неизвестно. У подножия описанной выше горы Арафат протекает по арыку вода, та самая, которая проведена далее в г.Мекку. В санитарном отношении стоянка на Арафате ничего дурного собою не представляет. Паломники останавливаются в палатках и при них имеются еще маленькие палаточки для отхожих мест, для них роют небольшие ямки, а затем засыпают землею. Всех умерших хоронят там, где они умерли, особого кладбища не имеется. Во время сильного развития холеры в день Арафат, как это было, например, в 1892 году, очень многие паломники складывают здесь свои кости, так как никаких медицинских мер не принимается. По всей долине разбросаны могилки паломников в виде кучек земли с набросанными сверху камешками, но это, разумеется, одна тысячная часть следов погибших здесь людей в течении столетий. Нужно думать, что местность долины у горы Арафата сплошь усыпана их прахом...

День Арафата начинается утром чтением имамом хутьбы. Он помещается в павильоне на вершине горы. Чтение продолжается до 4 часов пополудни. Хотя хутьбу и должны слушать все паломники, но по физической невозможности этого, по причине отдаленности от лагеря помещения имама, многочисленности собравшихся и продолжительности чтения, слушание сводится к одной формальности. Во время чтения, каждый располагает собою как ему вздумается: может молиться, но может и спать. Время от времени, когда с горы начинают махать платками в знак произнесения возгласов к Богу, которые нужно делать в известных пунктах чтения. В ответ и паломники машут платками. В этом, собственно, и заключается все обрядности, совершаемые на Арафате. По окончании чтения хутьбы дается залп из пушек, после чего, не более как в продолжении часа, все паломники поднимаются и уходят в Муздаляфу.[…]

На Арафат мы поднялись по окончании чтения хутьбы, в 5 часов вечера и двинулись в Муздаляфу в таком же страшном беспорядке, в каком ехали сюда из Мекки. В Муздаляфу приехали, когда уже стемнело. Местечко Муздаляфа находится между горами и состоит из нескольких построек. Среди них стоит мечеть с высоким минаретом. По правилам хаджа, здесь паломники останавливаются для совершения сразу двух вечерних намазов (молитв). И кроме того, обязаны набрать каждый по 63 мелких камешка, для бросания в Мине в шайтанов (дьяволов). Ко времени прибытия паломников Муздаляфа была иллюминирована довольно красиво. Здесь были устроены арки, башенки, вензеля и проч., усыпанные разноцветными огнями. Кроме того, здесь устраивается ночной базар. Он состоит исключительно из всевозможных съестных припасов и питий: чая, кофе, разных щербетов в бутылках и проч. По преданию, Муздаляфа есть место, где Адам

сошелся с Евою, после изгнания из рая, в воспоминание чего, ночевать здесь с женою, в религиозном отношении считается добрым делом...

Глава 8. *Мина и возвращение в Мекку.*

Из Муздаляфы мы выехали позднею ночью в местечко Мину, куда и прибыли перед утром. Мина, это небольшой городок, отстоящий от Мекки в 7-8 верстах. Он расположен в узкой долине между невысокими горами. В нем имеется около сотни каменных домов, вытянутых в две линии по сторонам широкой улицы. По правилам хаджа, паломники обязаны прожить здесь три дня. Но они, обыкновенно уезжают в Мекку на третий день пополудни. Мина служит как бы местом отдохновения паломников после совершения хаджа, хотя из сказанного выше легко можно убедиться, что отдыхать-то от усиленных молитв особенно и нечего... Здесь паломники снимают свои ихрамы и приносят жертвы. Из Мекки выезжают сюда все торговцы, и на улицах и в окрестностях городка устраивается настоящая, шумная ярмарка. Персы весьма бойко торгуют здесь драгоценными камнями, преимущественно, бирюзою, любимым камнем на всем Востоке. По вечерам устраивается довольно сносная иллюминация: горят огнями высокие башни, арки, вензеля; пускаются цветные воздушные шары, лопаются в воздухе ракеты и трещат фейерверки... Эти народные увеселения устраиваются в трех местах: у палатки меккского шерифа, египетского махмаля и дамасского (шамского) махмаля. В Мине турецкие власти, а также все, кто пожелает, делают визиты меккскому шерифу. И он отдает [предпочтение] только, конечно, более важным лицам. А паломники поздравляют друг друга с совершенным хаджем, угощают друг друга мясом приносимых ими в жертву животных, вообще благодушествуют. Войсковые египетские музыканты ходят по палаткам паломников и, за особое вознаграждение, играют серенады. Вообще, по вечерам, здесь людно, шумно и весело...

Недалеко от места расположения паломников, за городком, по направлению к Мекке, находятся три, отделенные одна от другой конусообразные кучи, сложенные из горных камней. **[130]**

Эти кучи и называются шайтанами (дьяволами), вернее, служат их видимым знаком. По наружному виду они ровно ничего не представляют замечательного, но с ними связано следующее предание. Когда по поведению Божию пророк Ибрагим вел своего сына для принесения его в жертву на этом именно месте им был замечен шайтан в трех видах, который начал говорить обреченному в жертву, что отец ведет его с целью зарезать, и склонял его к тому, чтобы он не слушался отца и вернулся. Пророк Ибрагим проклял лукавого шайтана и бросил в него камнем. В память этого здесь и сложены три каменных кучи и побиваются паломниками как изображение шайтана... Делается это так. Каждый паломник во время трехдневной стоянки на Мине обязан каждый день лично отправиться к кучам и бросить на них по 21 камешку из числа 63, набранных предварительно в Муздаляфе и привезенных сюда. Только израсходовавший все камешки в указанном порядке считается совершившим этот обряд...

В память известного жертвоприношения Авраама, в Мине приносятся кровавые жертвы паломниками, не всеми, разумеется, а кто побогаче. Для жертвоприношения имеются особые бойни, находящиеся от Мины приблизительно в версте расстояния. Они состоят из навесов на столбах. Под навесами лежат запасы извести и выкопаны ямы, у которых и режутся жертвенные животные. Боен устроено в достаточном количестве, так что задержки в резании животных не бывает. Режут особые резаки, поставленные от мекксквого шерифа и берут за свою работу небольшую плату, больше всего удовлетворяются даянием, смотря по щедрости жертвования. На бойнях стоят турецкие солдаты и следят за порядком и чистотою. Нужно заметить, что в общем бойни содержаться хорошо, и зловония не чувствуется. В жертву приносятся бараны и верблюды, которые к этому времени загоняются к Мине арабами. Так как в жертву по большей части приносятся тощие бараны, вероятно, по русской пословице – “на тебе, Боже, что нам негоже”, то жертвователю даже при его желании воспользоваться жертвенным мясом, его не выдают, а заколов животное, бросают в яму и засыпают известью и песком. Обыкновенно выдают только мясо жирных баранов. Встречаются жертвователи, которые покупают и режут по десяти и более баранов, но мясом не пользуются, даже жирным, а тут же раздают бедным арабам, которые и сидят обыкновенно возле боен. Но если и они отказываются, то все бросается в яму и закапывается. Много приносят в жертву и верблюдов, но так как их мясо никто не ест по его грубости, то трупы тоже бросаются в яму. В этом, собственно говоря, и заключается жертвоприношение, т.е., паломник покупает животное, его режут на бойне, бросают в яму и зарывают. Ничего религиозного, поражающего глаз и сердце в этом как будто и нет, все сводится к одной формальности.

Шкуры с убитых иногда снимаются, но иногда нет. Право на шкуры с жертвенных животных принадлежит мекккскому шерифу, но ввиду того, что они не имеют здесь почти вовсе ценности, то их по большей части не снимают. Впрочем, были годы, когда шериф давал бойни в аренду, собственно говоря, продавал промышленникам свое право на шкуры, которые, все снимались и поступали в пользу арендатора. […]

Из Мины мы выехали 24 мая после полудня и приехали в Мекку, когда стемнело. Таким образом, наш хадж совершился довольно благополучно. […]

Заканчивая настоящий рассказ, я считаю нужным оговориться. Обо всем, что я видел, говорю как очевидец, ничего не прибавляя, а даже немножко убавляя, чтоб не затронуть, как-нибудь нечаянно религиозного чувства мусульман, которые, возвратившись из хаджа, обыкновенно считают своим долгом рассказать разные чудеса. Как мог видеть читатель, никаких чудес на самом деле нет, напротив, все очень просто и даже, пожалуй, бедно. Чудеса же может создавать только восторженное религиозным чувством воображение. Я же, что видел и слышал, о том и говорю, придерживаясь возможной точности.